

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный

Кино-трагедія въ 4-хъ отдѣленіяхъ.

Въ роли Грознаго

Феодоръ Ивановичъ ШЛЯПИНЪ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНЫ.

Ч А С Т Ь I.

Тихо въ опочивальнѣ боярыни Вѣры Шелогі, спитъ въ колыбели крошка Оленька, дремлетъ старая Власьева-нянюшка, и только душа самой боярыни бодрствуетъ, мучается въ горячемъ пламени женскаго стыда и боязни передъ мужемъ, который вотъ вотъ возвратится съ войны и взыщетъ жестоко за позоръ и измѣну.

Должно быть ночь покроетъ смертный грѣхъ боярыни, а старый обрывъ будетъ молчаливымъ свидѣтелемъ тяжелаго ея конца. Потому, что бѣлой тѣнью пробѣжала она къ страшному мѣсту и замерла въ ожиданіи послѣдняго шага.

Такъ бы тому и быть... Да видно не судилъ Богъ—спохватилась во

вухмаки ушла въ монастырь помолиться сестра ея; какъ растеряла рѣзвухекъ и заблудилась въ лѣсу—какихъ страховъ натерѣлась, навидѣлась, и уснула какъ... Какъ неожиданно-негаданно, разбудилъ ее добрый молодець, самъ великій царь Іоаннъ Васильевичъ: во Псковскихъ лѣсахъ онъ охотою соколиною короталь досугъ... какъ увель въ шатерь златописанный, какъ обжегъ огнемъ своихъ страшныхъ глазъ, заласкалъ украсть сердце бѣдное... и вырвалъ его какъ безкрылую касатку, утопилъ въ грѣхъ да и прочь пошелъ...

время старая Власьева, разбудила, подняла на ноги сестру несчастной боярыни, Надежду; смекнула та въ чемъ горюшко и не дала сатанѣ праздновать. И вотъ на крутомъ бережку у обрыва полилась покаянная рѣчь Вѣры боярыни:

— Узнала Надежда, какъ въ погожій денекъ со сѣнными дѣ-

Эхъ ма—а! И узнали бы обо всемъ о томъ подоплёка лишь да ночь темная. Да вотъ Оленьку подарить Господь...

Выслушала Надежда до конца исповѣдь и недопустила сестру до гибели, вернула ее домой, успокоила, а дѣвочку вмѣстѣ съ Власьевной забрала къ себѣ... и своею честью дѣвичьей прикрыла грѣхъ.

Женихъ ея, бояринъ Токмаковъ, въ тѣ поры согласился и взять Оленьку къ себѣ въ дочери.

Ч А С Т Ь П.

Прошло за 20 лѣтъ, давно объ матери и родная и названная ушли ко Господу...

Расцвѣла Оленька, невѣстой стала и даже сердце свое потихоньку отъ вдовьяго отца, боярина Токмакова, добру молодцу подарить успѣла. Какъ-то ввечеру, собралися дѣвушки сказку слушать—горазда была Власьевна ихъ рассказывать... Слушали, слушали, дошли до страшнаго мѣста, а Туча Михайло, лихой посадничій сынъ, сердечушкомъ Оленьки запримѣченный, подкрался, подслушалъ да свистомъ своимъ и разогналъ всѣхъ, какъ съ терноваго куста воробьевъ.

Пошла старая пестунья проучить шалаго, да видно кошель не свой брать,—задарилъ Туча Власьевну.

А должно всегда такъ бываетъ, что и любовь и жизнь подъ руку бредутъ. Вотъ и на Псковской границѣ не дремлютъ,—дозоры налажены, вотъ вотъ запылаютъ, освѣтятъ дороженьку царю Грозному на вольный градъ.

Вечеръ отъ выдался тепленькій, и Туча съ приятелемъ и Оленька съ поблажницей, старою нянюшкой, прибрѣли, какъ на святу въ ночи, на свиданьице.

Да не тутъ-то было, грозное вѣче въ бѣло ударило, пронеслось окрестъ, исполошило духъ, и разошлись милые въ самый сладкій мигъ. Промѣнялъ Туча Михайло, посадничій сынъ, подѣлуи на славушку, убѣжалъ, куда влекла его совѣсть да прыть молодецкая.

Выростала толпа у вѣча могутнаго, окружала гонца Иоаннова, волновалась, гуторила, а когда пришелъ набольшой бояринъ Юрій князь и сталъ къ Псковичамъ рѣчь держать, уговаривать царю Грозному бить челомъ, низко кланяться, просить милости. Раздѣлилась толпа на двое, молодые всѣ повалили вслѣдъ за Тучею, чтобъ сложить въ ратномъ полѣ головушки за вольный Псковъ, а другіе поспокойнѣе—пошли кланяться.

Ч А С Т Ь ПІІ.

И пришелъ онъ карой Божіей, страшный, невѣдомый. Забѣтались Псковичи и какъ одинъ человекъ пали передъ его огневья очи: испытать всѣмъ видно въ прахѣ и въ крови участь Новагорода. Да еще у воротъ Псковскихъ шалый юродивый бросилъ въ Грознаго, какъ въ волка несытаго, падалью, посрамилъ его.

Горе псковичамъ!

Заблестали глаза царскіе огнемъ адовымъ.

Въ палаты Токмакова вошелъ Иоаннъ.—Войти аль нѣтъ?—приносятъ его холодныя уста.—Спасибо, мужи-псковичи, царя псковскимъ намѣстникомъ сажаютъ, честь честью подъ руки, по христіански—направо ангель, налѣво дьяволь!

Смѣется жестокой Іоаннъ надъ всѣми, прикидывается и скудоумнымъ и худороднымъ, — неожиданно выростая въ цѣлую бурю негодованія.

— «Всякъ мыслить про свое»...— «Да я Васъ розберу, коль Богъ на то поволить»!. И жутко вчужь отъ этихъ словъ, сталью мракомъ, леденящимъ кровь въ жилахъ, проходитъ передъ Вами это Іоанново «розберу».

Онъ хочетъ пить, онъ спрашиваетъ у Юрія, нѣтъ ли у него жены или дочери... чтобъ поднесла, узнавъ объ Оленькѣ,—велитъ войти... Старый жестокой сластолюбецъ уже вкушаетъ сладость иного вина—оно хмѣльнѣе... Вотъ сонмъ боярышень и Ольга съ подносомъ и чарой...— «Что жъ, поднеси царю, да не съ поклономъ, а съ поцѣлуемъ»...

... И вотъ неожиданно начинается переломъ въ судьбахъ Пскова такова судьба.

Въ очахъ молодой дѣвушки, погрязшей въ крови и жестокостяхъ, мозгъ Іоанна улавливаетъ далекой, какъ сонъ прошедшій, мигъ счастья. Въ Ольгѣ онъ узнаетъ Вѣру, великую свою тоску, тотъ случай, что былъ въ лѣсу. Давно, давно въ дни золотой юности...

Онъ даритъ дорогой перстень, онъ пораженъ, онъ преисполненъ новыхъ прекрасныхъ чувствъ, которые забурили вдругъ въ мрачномъ омутѣ его сознания и засверкали алмазными росами подъ солнцемъ... Что это? Онъ приказалъ уйти всѣмъ... И вотъ когда наединѣ съ княземъ Юрьемъ Токмаковымъ, царь узнаетъ, что Ольга не дочь князя, а дочь сестры его жены, что воспиталъ князь Оленьку, что честью дѣвичей въ тѣ поры позоръ сестры покрыла его невѣста, а потомъ жена его Надежда, что Ольга дочь его, царя и государя Іоанна... Царь потрясенъ, онъ плачетъ, молится, изъ сердца неожиданно идутъ благіе зовы, онъ треплетъ дружески по плечу князя Юрія, онъ смотритъ ласково... необычайно... онъ говоритъ... — «Довольно крови, престануть всѣ убійства, казни, Богъ милуетъ Псковъ!»

И самъ идетъ къ народу, чтобы сказать о томъ...

Велико было ликованье во Псковѣ.

ЧАСТЬ IV.

Царь у себя въ ставкѣ, въ палаткѣ на берегу рѣки Мѣдѣдни; его волнуетъ пережитое, тянетъ его къ святому слову, онъ листааетъ апокалипсисъ, ищетъ какихъ то разгадокъ. Можетъ быть онъ сердцемъ бѣжитъ воспоминаній, можетъ быть, думаетъ, рано онъ обѣлилъ Псковъ—мысли его прерываетъ Вяземскій, который вбѣгая говоритъ ему, что дочь намѣстника, Ольгу, пользуясь суматохой, хотѣлъ украсть Матута бояринъ, чтобы жениться на ней насильно. Да дѣло не выгорѣло, молодцы помѣшали...

Возмущенный Иванъ хватаетъ посохъ, убѣгаетъ раздѣлаться съ ослушникомъ Матутой, бросаетъ его въ объятія опричниковъ и возвращается къ себѣ въ палатку, куда приводятъ Ольгу... сердце старика отходить, бьется, трепещетъ такъ нѣжно: Вѣдь онъ отецъ ея, онъ любить, ласкаетъ и журить: „Зачѣмъ не сказала сразу, что любишь Тучу: Матута мнѣ выдалъ всю правду... Ну ладно, не буду казнить твоего друга, въ тюрьму посажу его, и бу-